

О письмах Карамзина

Карамзин: pro et contra / Сост., вступ. ст. Л. А. Сапченко. -- СПб.: РХГА, 2006.
OCR Бычков М.Н.

Ко дню столетней годовщины рождения Карамзина вышли в свет, совершенно кстати, записки Дмитриева и письма к нему Карамзина {Взгляд на мою жизнь. Записки действительного тайного советника Ивана Ивановича Дмитриева. М., 1866; Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866.}. Нельзя не приветствовать с живейшею радостью одновременное появление этих двух замечательных книг. Это светлое событие в русском литературном мире. Здесь и новостное и старинное; и новостное тем свежее, что оно не взято из современного движения. От этих двух книг веет на нас и благоухает ясною и бесстрашною жизнью минувшего. На них мысль и чувства могут отдохнуть. На них не запечатлены заботы, предубеждения, борьба, страсти, недомолвки и противоречия настоящего. Каждый, кто только одарен чувством любви к нравственно-прекрасному по внутреннему достоинству его и по внешней прелести, то есть по духу и образу, может свободно приступить к сему явлению и оценить его беспристрастно. Тут нет ни повода, ни предлога к торжеству или к унижению личного самолюбия. Тут слышится загробный голос из другого мира, но мира всем нам родственного: если не все, если весьма немногие из нынешних современников в нем жили, то все сознательно или бессознательно из него исходят. В жизни народов, как ни различны бывают стремления и судьбы поколений, одного за другим следующих, есть, однако же, Промыслом предназначенная нравственная последовательность, которая их связывает взаимно ответственностью и родным сочувствием. История, то есть жизнь народа, не образуется из отдельных явлений и случаев; она не отрывочные и летучие листы, не частные указания и узаконения. Нет, она полный, нераздельный быт, полный свод законов. С ним должны справляться, им должны дорожить все те, которые хотят знать настоящее не только поверхностно, но добросовестно и сознательно, то есть в связи его с минувшим. Так оно в гражданском, так и в литературном порядке.

Эти две книги служат пополнением одна другой, как и личности Дмитриева и Карамзина пополняют друг друга. Литературные труды того и другого, как ни различны свойства их, имели деятельное и глубокое влияние на развитие нашего языка;⁶ почти одновременно вступили они на поприще словесности и долго пользовались нераздельною, как будто братскою славою: трогательная, неизменная, можно бы сказать беспримерная, дружба сблизила и сроднила их⁷.

Все это связывает нераздельно эти два лица в памяти и уважении России. Вместе прошли они, рука в руку, душа в душу, честное поприще деятельной жизни; и ныне из гроба нераздельно встают они и являются вместе, как братья на празднестве, которое признательное потомство совершает в честь одному из них. На деле выходит в память обоих. Юбилейная наша тризна была бы не полна, если не примкнул бы к ней и Дмитриев. Когда получено было в Петербурге известие о кончине его⁸, помню, что я писал к кому-то в Москву: со смертью Дмитриева мы как будто во второй раз теряем и погребаем Карамзина. Пока был он жив, и образ друга его был нам еще присущей. Со смертью Дмитриева и предания о Карамзине пресеклись. Мы все, более или менее приближенные к нему, знали его, так сказать, по частям, то в одно время, то в другое. Дмитриев один знал его от детства до смерти; знал и его, и жизнь его вполне. Мы могли бы представить одни разбросанные черты из его жизни; один Дмитриев мог бы быть его полным биографом. Но и эти отдельные черты, отрывчатые отголоски почти не сохранились: чувства и любовь остаются верными, но память изменяет.

По хронологическому порядку начнем с писем Карамзина. В них старший памятник и жизни его, и литературного нашего преобразования. Первое письмо его, без означения года, должно быть зачислено 1787 годом. Укажем первоначально на язык и слог, их отличающий. Это уже не язык Ломоносова, Сумарокова, даже не язык Фон-Визина, которого письма также нам известны. Здесь уже слышится что-то другое, новое, еще неправильно образованное, но уже пытающееся идти своим шагом и проложить себе свою дорогу; есть уже самобытность, хотя еще не окрепшая. Любопытно и поучительно, перечитывая ныне эти письма, следить за ходом успехов писателя. Язык и слог его, а слог есть характер, есть нравственная личность писателя, совершенствовались с каждым годом. Можно подмечать из писем, как подрастает русский путешественник, творец "Марфы Посадницы" и "Похвального слова Екатерине". Можно наконец угадывать, до чего вырастет историк государства Российского⁹.

По мне, в предметах чтения нет ничего более занимательного, более умирительного, чтения писем,